

Ю. И. Венелин

**О соляном озере, Halmyris, и о древних
жилищах русского народа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ю11

Ю. И. Венелин
Ю11 О соляном озере, Halmtyris, и о древних жилищах русского народа / Ю. И. Венелин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 48 с.

ISBN 978-5-458-08054-5

Сочинение действительного члена императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете Ю. Венелина.

ISBN 978-5-458-08054-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Сіе озеро , именуемое нами Озолимною, весьма обширно и величеною своею не уступаетъ ни одному изъ описанныхъ географами. Оно лежитъ посреди ста холмовъ (ἐκατόν βουνός) и впадаютъ въ оное величайшія и прекраснѣйшія рѣки. Въ южной своей части принимаетъ оно много великихъ и сильно нагруженныхъ судовъ: безъ сомнѣнія это доказываетъ глубину онаго.“

„Впрочемъ имя Озолимны, знающимъ Греческій языкъ , покажется происходящимъ отъ какого-то неприятнаго запаха, выходящаго изъ озера; но это несправедливо, ибо имя это происходитъ отъ Унскаго (Гуннскаго) войска, стоявшаго и торговавшаго на берегахъ сего озера. Извѣстно же, что тѣхъ, коихъ называемъ мы Гуннами, простой нашъ народъ зоветъ Узами: отсюда, думаю, родилось Ὀυζολίμνη, т. е., Озеро Узовъ, или Узовское; въ послѣдствіи буква υ вытерта изъ сего слова, которое въ нынѣшнемъ составѣ мы уже видѣли. Если же кто спроситъ о времени происхожденія сего имени, то едва ли можно найти въ среднихъ Исторіяхъ извѣстіе о нашествіи Гунновъ на сію страну. Но это случилось въ царствованіе Алексія. Тогда Гуннскій народъ, при большомъ волненіи, вооруженною рукою прибылъ въ упомянутое мѣсто, коему далъ новое названіе.“

Мѣсто сіе изъ Анны Комнины весьма важно въ историческомъ отношеніи къ нашему зѣмку, хотя, впрочемъ, словопроизводство можетъ быть не болѣе, какъ только вѣроятнымъ. Подъ именемъ Гунновъ, конечно, въ то время, т. е., около 1083 г., нельзя подразумѣвать другаго народа, кромѣ юго-восточныхъ Россіянъ, коихъ походъ въ тѣ страны дѣйствительно упоминается.

Шафарикъ (стр. 113) полагаетъ, что *сто холмовъ*, упоминаемые Анною, суть легкія возвышенія, простирающіяся отъ Шумна и Базарджика по Добрицъ къ Дунаю и Бабадагу, ссылаясь на слѣдующее мѣсто изъ Кедрина (къ 1049 году): „*Пащинаки поселились между Гемомъ (Балканомъ), Дунаемъ и моремъ, на мѣстахъ, имѣющихъ овраги, луга, разнаго роду лѣсъ, воду и пастбища, именуемомъ жителями СТО ГОРАМИ (ἐκατόν βουνός).*“

Дѣло идетъ о поселеніи *Печенгзовъ*. Но Шафарикъ ошибается въ своихъ *ста горахъ*, ибо и самъ Кедринъ не совсѣмъ точно выразился: между Базарджикомъ, или Камчикомъ, и Бабадагомъ простираются безлѣсныя и почти безводныя степи, коихъ равнина мѣстами только пресѣкается небольшими углубленіями, имѣющими видъ лѣсныхъ логовищъ, а въ самомъ дѣлѣ болшею

частью сухими. На этомъ пространствѣ нѣтъ ни лѣсовъ, ни холмовъ, тѣмъ менѣе горъ. Страна слыла *Добрицею*. Только съ Траянова вала поверхность начинаетъ холмиться; но горы и лѣсъ встрѣчаются только на цѣпи горъ Бабадагскихъ, Мачинскихъ, Шакчинскихъ и Тулчинскихъ.

Изъ сего видно, что Кедринъ не зналъ точно и подробно сей страны. Степи сіи, по свойству своему, и прежде не могли имѣть лѣсу, и не имѣли даже во времена Овидіевы. Кедрину, не имѣвшему, можетъ быть, хорошей карты, сей кусокъ Болгаріи, выданный къ сѣверу между Дунаемъ и моремъ, показался не въ настоящемъ видѣ, т. е., поближе къ Шумну, или къ Варіѣ.

Такъ называемая Бабадагская область, окружаемая вышеупомянутыми горами, покрытыми лѣсомъ, имѣя чистую прохладную воду и плодородныя, довольно хорошо омыченныя, поля, составляетъ пріятную противоположность съ степями Добрицкими, т. е., лежащими по ту сторону вала. Если же соображать жилища Печенѣговъ, то онѣ были, по Кедринову же очищенному смыслу, въ сей именно области, предлагавшей первыя необходимости жизни, лѣсъ, воду и тѣнь.

Названіе *сто холмомъ* или *горъ* не могло и не можетъ принадлежать къ системѣ горъ Балканскихъ, въ которой, въ связи, воображеніе простолюдина не могло остановиться на числѣ 100; оно, въ цѣпи горъ, насчитало бы ихъ 10,000; а впрочемъ и не принималось бы считать холмы Балканскіе, каковы, на примѣръ, Шуменскіе. Для воображенія простолюдина надо было имѣть особенную отдаленную группу горъ, рѣзко видимыхъ со степей, каковы, на примѣръ, Бабадагской области.

Число 100 не есть выраженіе опредѣленной сотни, ибо едва ли кому вошло бы на умъ пойти считать горы до сотни. Это число выражаетъ напротивъ неопредѣленное количество или множество. въ томъ же смыслѣ, въ комъ часто говоримъ: „я тебѣ говорилъ уже *сто разъ*“, „Я его видѣлъ *тысячу разъ*.“ И дѣйствительно, если стоять посреди области, на полѣ, и оглядываться кругомъ, то разныя группы конусообразныхъ горъ со всѣхъ сторонъ поражаютъ издали зрѣніе. Не удивительно, если сей обширный кругъ горъ прозванъ Греческими моряками *стогорьемъ*.

Упоминаемый Прокопіемъ *Castellum Halmyrense*, и легендою *Civitas Halmyredensis* былъ не видимый здѣсь замокъ на горѣ, но другой, на мѣстѣ нынѣшняго мѣстечка Бабадага. Если будете

стоять у пьедестала и обратитесь къ крѣпости, то Бабадагъ будетъ у васъ съ тылу на версту разстоянія. Бродя часто по Бабадагу, я замѣтилъ во многихъ мѣстахъ каменные фундаменты, коихъ цементъ вовсе отличенъ отъ цемента новѣйшихъ развалинъ. Судя по толщинѣ фундамента, можно легко догадаться о вышинѣ стѣнъ. Въ оградѣ одного двора я замѣтилъ пьедесталеобразный остатокъ подобной крѣпкой стѣны. Постройка разваленныхъ стѣнъ позднѣйшей архитектуры рѣзко отличается отъ упомянутого остатка своею рыхлостью. Безъ сомнѣнія, подвергнувъ разрытію сіе мѣсто, можно бы открыть много древностей.

И такъ, Castellum Halmyranum Юстиніанова времени стоялъ въ самомъ мѣстечкѣ; ибо 1) онъ былъ укрѣпленное Византійское пограничное мѣсто. Крѣпость же на вершинѣ горы не можетъ содержать въ себѣ и посредственнаго гарнизона. 2) Возлѣ крѣпости вблизи нѣтъ воды; чрезъ Бабадагъ же течетъ изъ горъ рѣчка съ холодною прозрачною водою. 3) Вообще, Римляне рѣдко выбирали такихъ фортификаціонныхъ точекъ, какъ крѣпость.

Турки не строили упомянутой крѣпости, ибо и для ихъ гарнизона она не годилась бы, потому - то она и оставлена издревле безъ употребленія. Они любятъ обширнѣйшія крѣпости, или лучше сказать укрѣпленные города. Они, по сему, оставили безъ употребленія или даже развалили всѣ найденныя ими Болгарскія крѣпости и замки. Обыкновеніе строить крѣпостцы на вершинѣ крѣпкихъ холмовъ есть Болгарское; по всей Европейской Турціи существуютъ подобныя Болгарскія строенія.

Точно на такой же горѣ съ перешейкомъ построены Болгарами замокъ и въ Терновѣ, бывшей ихъ столицѣ; такой же замокъ находился и на заросшей вершинѣ горы, надъ самымъ моремъ въ Балчикскомъ заливѣ, въ Криницкой долинѣ и проч. По сему, замокъ сей построенъ со времени нашествія Болгаръ и Руси на сію страну.

Нынѣшнее имя Бабадага есть Турецкое и значитъ *отець-гора* (Бабадагъ). Преданіе о времени нашествія Турковъ на сію страну говоритъ: Былъ богатый нѣкто *Нованъ*, и двое у него сыновей. Послѣ упорной защиты, пали всѣ трое и погребены по мѣстамъ ихъ смерти. Могила отца и теперь еще видна въ лѣсу, на горѣ, надъ самымъ мѣстечкомъ. Памятникъ отступавшему сыну (колонна мраморная) воздвигнуть на противоположномъ холмѣ, а второму на противоположной опушкѣ онаго. Сами Турки возымѣли

уваженіе къ геройству падшей семьи, и первый холмъ, а по нему и городъ, почтили они названіемъ *отцовой горы*.

Крѣпость жители называютъ Турецкимъ именемъ *Ени-Кале*, т. е., новая крѣпость. Это слово, на Турецкомъ языкѣ, происходитъ отъ преданія о *старой крѣпости*, бывшей у самаго Бабадага, т. е., *Castellum Halmyrgense*. Озеро называется *Рамзинскимъ*.

Шафарикъ (стр. 123) силится объяснить происхожденіе сего имени отъ *Rha* и *Mysianus* (вмѣсто *Mysianus*! И то надо еще подразумѣвать *lacus*!), но довольно натянуто. Имя *Рамзино* сохранено Волохами и Турками даже; посему, оно Болгарское. Какъ же настоящее? И теперь имѣемъ въ Монастырскомъ пашалыкѣ, въ Македоніи, мѣстечко съ округой, населенной одними Болгарами, и съ озеромъ *Ръзно* или *Ръзенскитъ*. Б очень часто читается какъ *я*: посему, и *Рязенское* или *Рязно*, *Рязино*. Волохи, которые въ Славянскія слова вставляютъ *м* и *н*, какъ въ *сажень* — *стынженъ*, въ *Дубовица* — *Дымбовица* и проч., *Рязино* прозвали *Рамзинымъ* или *Рамзинымъ*.

Конечно, это названіе мѣстечка или замка перешло и на озеро. — И такъ, мы видѣли древнее Греческое названіе *Halmyris*, видимъ новѣйшее Турецкое *Бабадагъ*; видимъ Славянское среднихъ вѣковъ (въ которые сіе мѣсто было населено одними Славянами) *Рязно* (*Рязань*), и Греческое среднихъ вѣковъ *Озолимна*.

Такъ, одно и то же мѣсто, въ разныя времена и на разныхъ языкахъ, носило разныя названія, какъ и многія другія мѣста въ Европейской Турціи. Это измѣненіе названія естественно происходитъ отъ преобладанія разныхъ писменъ. Анна Комнина чувствовала это, и видѣла на самомъ опытѣ въ свой вѣкъ, когда прибавляетъ къ вышеприведенному своему мѣсту слѣдующее: „*Еще къ славы и событіямъ царствованія моего отца принадлежитъ и то, что, при его дѣянїяхъ и отъ нашествїя непрїятелей, многія мѣста получили новыя названїя.*“

Конечно, это было бы такъ, если бы такъ называемые Гунны въ первый разъ появились въ сей сторонѣ только въ царствованіе ея отца, т. е., въ XI вѣкъ; но она уже выразилась, что не читала о постоянныхъ нашествїяхъ Гунновъ со временъ Аттилы, т. е., съ V вѣка, или лучше, со временъ Іустиніана (VI вѣка), съ коихъ сія область постоянно оставалась за Русскими выходцами, — Болгарами. Впрочемъ, чувство дочери въ пользу отца извинительно, и мысль ея даже, напротивъ, подтверждаетъ истину, что Греки мѣста могли называть по своему, а варвары опять по своему.

Мы замѣтимъ, однако, здѣсь, что, за 150 лѣтъ до ученой сей Царевны, Константинъ Багрянородный упоминаетъ о ея *Осолимнѣ* и, можетъ быть, къ ея досадѣ, не въ точности.

Константинъ, впрочемъ, о самомъ Рѣзинскомъ озерѣ не упоминаетъ; говоря о морскомъ пути въ Царьградъ Русскихъ плавателей 920—960 годовъ, онъ вкратцѣ исчисляетъ только прибрежные города и устья рѣкъ, мимо коихъ проплывала Русь, начиная отъ самаго Кіева. По выходѣ изъ Днѣпра, „отправившись далѣе въ путь, на четвертый день прибываютъ къ озеру, составляющему устье рѣки, гдѣ виднѣнъ островъ Св. Евирія; по прибытіи къ сему острову, отдыхаютъ два, три дня, въ продолженіе коихъ снова суда свои снабжаютъ нужнымъ, если чего-либо еще недостаетъ, какъ, на примѣръ, парусами, мачтами и рулями, привозимыми съ собою,“ т. е., прибывши въ Лиманъ Днѣпровскій и, пускаясь по сему малому заливу въ море, они принуждены приготовляться для морскаго плаванія, т. е., укрѣплять суда, привязывать рули, прикрѣплять мачты, навязывать паруса и привести въ строгій порядокъ веревочный приборъ. Ибо морское плаваніе совсѣмъ не то; чтò рѣчное: на рѣкѣ вода сама везетъ, а на морѣ управляться съ вѣтрами *c'est tout s'imple*.

„Но какъ“ продолжаетъ онъ „сие озеро составляетъ устье сей рѣки и простирается до самаго моря, въ которомъ есть упомянутый островъ Св. Евирія, то оттуда отправляются (моремъ) къ Днѣпру, гдѣ, прибывъ благополучно, отдыхаютъ.“

Въ текстѣ Константина стоитъ *Δάνατρον*, т. е., къ Днѣпру; но это явная описка, какъ уже и Стриттеръ замѣтилъ, вмѣсто *Δάναστριν*; она причинена если не переписчикомъ, то первыми издателями Багрянороднаго: ибо, сказавъ, что Русскіе, идучи въ направленіи къ Царюграду, изъ устья Днѣпровскаго прибыли къ Днѣпру, будетъ противорѣчіе.

„Оттуда (изъ Днѣпровскаго Лимана) вышедъ, если бываетъ хорошая погода, отправляются (*τὸν ποταρὸν* „Аспров), гдѣ тоже отдохнувши и исправившись, прибываютъ въ Селину, которую называютъ Дунайскимъ *Παρακλάδιον*. Пока же проходятъ рѣку Селину, то Печеньги бѣгутъ по берегу; и если, какъ часто случается, волны прибрасываютъ суда къ берегу, то всѣ (Русскіе) выходятъ на берегъ для общаго сопротивленія Печеньгамъ.“

„Какъ только мнутъ Селину, то никого уже не боятся, а прибывши къ берегамъ Болгаріи, входятъ въ устье Дуная. От-

туда къ Конопъ, оттуда къ Констанціи (Кюстенджи; Костаницъ), оттуда къ рѣкѣ Варнѣ (т. е., въ Варнскую бухту), отъ Варны къ рѣкѣ Дичинѣ, которыя естъ принадлежатъ къ Болгаріи. Отъ Дичини въ Месемерію. Такимъ образомъ совершаютъ они досель тяжкое и исполненное трудовъ и бѣдъ свое плаваніе.“

Добрый и нигдѣ почти изъ своего Дворца не бывшій Константинъ, могъ бы напугать добрыхъ читателей, называя это плаваніе бѣдственнымъ и тяжкимъ. Но добрые Русскіе читатели замѣтятъ, что плыть вдоль береговъ, въ небольшихъ гребныхъ судахъ, не очень опасно, и кто однажды проплылъ пороги Днѣпровскіе, тотъ не убоится и моря; а кто однажды побывалъ на морѣ по обстоятельствамъ, тотъ въ другой разъ могъ съ удовольствіемъ рѣшиться на новые промыслы. — Вражда съ Печенѣгами, очевидно, не была вѣчная и зависѣла болѣе отъ политическихъ обстоятельствъ. Если Печенѣги нападали на Русскихъ моряковъ во время Константина, то, во время перваго похода Святослава въ Болгарію, были союзниками Русскихъ. Впрочемъ, до какой степени могли тогдашніе Русаки пренебрегать и опасностями и Печенѣгами, доказала въ новѣйшее время горсть южно-Русскихъ (Запорожскихъ) рыцарей-моряковъ, которые въ ладіяхъ, въ 40 человекъ не болѣе каждая, пробивали себѣ, у устья Днѣпра, дорогу сквозь цѣпь Турецкихъ караульныхъ галеръ и пускались на всѣ опасности въ открытое море, и наравнѣ жгли и грабили и Трѣбизондъ и Босфоръ; да и то только дѣлывали скрытно отъ Кіевскихъ Польскихъ воеводъ. Но, во время Константина, Кіевское правительство само поощряло морскіе промыслы и даже само участвовало въ оныхъ.

Константинъ, обозначивъ Днѣпръ и Днѣстръ поименно, упомянулъ еще о двухъ рѣкахъ, Бѣлой и Селинѣ, и, наконецъ, объ устьѣ Дуная. Байеръ, и по немъ Стриттеръ, обочились въ опредѣленіи сихъ именъ. Стриттеръ ссылается на Байера, что онъ *ποταμός ἄβρος* (Бѣлою рѣкою) называетъ небольшую рѣку между Днѣстромъ и Селиною: стало быть сія небольшая рѣка вытекаетъ въ море въ Буджакъ. Но, впрочемъ, въ Буджакъ нѣтъ такого устья рѣки, которое могло бы дать морякамъ убѣжище; сверхъ сего, и города здѣсь не было приморскаго, къ коему бы Русскіе могли прибѣгать. Наконецъ, къ какой стати Константинъ упомянулъ бы о небольшой безжилной Бессарабской рѣкѣ, пропустивъ важныя другіе рукава Дуная, какъ, на примѣръ, Килій-

скій? *Селина*, т. е., второй Дунайскій рукавъ, и теперь еще называется жителями *Солина-Боазы* (по Тур. Солинскимъ, Сулинскимъ устьемъ), или, короче, *Солиною*. Третій устевой рукавъ Дунай есть *Кедрильскій* или *Георгиевскій* (Кедриль-Боазы).

Четыре остальные устевые рукава происходят изъ *Рязина* озера: *Ялова*, *Портица*, *Корте* и *Черницкій* (по-Тур. *Karagosman*, т. е., Чернольскій). Озеро сіе, сколь оно ни обширно, принадлежитъ къ системѣ устьевъ Дунайскихъ; ибо наполняется, кромѣ небольшихъ ручейковъ изъ окружныхъ горъ, водами *Дунайца*, небольшимъ рукавомъ отдѣлившимся отъ Георгіевскаго. И такъ, между Днѣстромъ и Селиной Константинъ не могъ пропустить важнѣйшей рѣки (главнаго рукава) Килійскаго, который и называлъ *Ἄστρος ποταμός*, *Бѣлою рѣкою*. Известно, что между Болгарами значительное количество рѣкъ носитъ названіе *Бѣла-вода Черна-вода*, или короче *Бѣлица*, *Бѣла*, *Черница*, *Черна*. Которыя имена Турки, обыкновенно, переводятъ буквально *Акъ-су*, *Кара-су*; также перевелъ и Константинъ (если уже прежде, что вѣроятнѣе, не перевели Греческіе матросы) въ *ἄστρος ποταμός*.

Названіе это дано Килійскому рукаву, по видимому, по тому, что сѣверные, Бессарабскіе берега онаго, будучи высоки и круты, по причинѣ селитристо-известковой своей почвы, если смотрѣть съ судна, дѣйствительно бѣлѣютъ, въ яркій день. Такъ, на примѣръ, проѣзжая, въ 1830 году, въ Іюнь мѣсяцъ, моремъ изъ Одессы въ Варну, берега Балчикскаго залива мнѣ показались, мѣстами, покрыты снѣгомъ. И такъ, безъ сомнѣнія и Килійскій рукавъ названъ бѣлымъ по вліянію его береговъ на зрѣніе. Если разсмотрѣть происхожденіе слова *Килии*, безъ всякаго сомнѣнія, Греческаго, то оно принадлежитъ къ семьѣ словъ: *κηλέω*, обворажаю, обманываю, ослѣпляю; *κηληθμός*, очарованіе, обманъ; *κηλημα*, обвороженный предметъ; *κηλησις*, очарованіе, обманъ, ослѣпленіе; и тоже глаголь *κηλόω*, горю, свѣчусь, тоже восхищаю, обворажаю, обманываю; *κῆλον*, кусокъ сухаго дерева, бревно, жердь; *κῆλειος*, горящій, свѣтящій, сухой.

И такъ, *свѣтящеся*,—категорія *бѣлизны*, какъ условіе *обмана*, признано Дунайско-Бессарабскому берегу уже древнѣйшими Греческими матросами, такъ, что названіе *ἄστρος ποταμός*, Бѣлой рѣки, очень естественно. Это такъ, но

Еще сильнѣе, въ этомъ отношеніи, могъ подѣйствовать на зрѣніе матросовъ цвѣтъ самой воды. — Вода Дунайская уже въ Валахіи мутна и цвѣтомъ свѣтло-желта.

Вода эта еще болѣе подвергается льтомъ отраженію съ Бессарабскихъ береговъ. Поелку чистыя, глубокія рѣчныя воды бывають цвѣта темно-синяго или темно-зеленаго, то само собою разумѣется, что воды Дунайскія, въ этомъ отношеніи, должны дѣлать на зрѣніе человѣка особенное впечатлѣніе. Не видавъ никогда Дуная, и проѣзжая моремъ около 30 верстъ мимо отъ устья Дунайскаго, вдругъ замѣтилъ я, что темныя воды морскія поперегъ дороги протянулись бѣловатою нивой. Разумѣется, что въ первую минуту эта перемяна на меня подѣйствовала; жестъ мой обнаружилъ матросамъ мое недоумѣніе; я, почерпнувъ и отвѣдавъ, нашель, что вода почти прѣсная, т. е., чуть солена. Наконецъ, послѣ двухъ, трехъ догадокъ заключилъ я, что мы находимся на супротивъ устьевъ Дунайскихъ. Матросы долго не хотѣли сказывать, по утверженію лоцмана, что *уцени русинось целовъкъ* долженъ знать причину этого явленія. Но, ученые ли или неучены были древніе мореходцы, всѣ должны были подвергаться подобному явленію и ощущенію. Отсюда первая мысль о *бѣлыхъ водахъ* и о *Бѣлой рѣкѣ*, *ἄσπρος ποταμός*.

Впрочемъ, берега ли, воды ли, все таки онѣ должны были вынудить у проѣзжающихъ сіи два слова. Между тѣмъ, если *κῆλαος* или *κῆλη* и означаетъ очарованіе, обманъ, свѣтъ, или ослѣпленіе, то и это самое принадлежитъ почти только морскому отдаленному горизонту, на которомъ отдаленные предметы свѣтятся, и въ коихъ можно обмануться, принявъ ихъ за облака.

Впрочемъ, близну ли, собственно, или обманъ означаетъ Килія, все равно; въ томъ и другомъ случаѣ оно сродно названію *Бѣлой рѣки*.

Килія городъ и крѣпость, довольно древній и, можно сказать, происходитъ почти со временъ Греческихъ колоній; можетъ быть, она была прежде нѣсколько ближе къ устью Дуная; можетъ быть около нынѣшней *Буковой* деревни, на самомъ углу Буджакскаго морско - Дунайскаго берега. Кажется, что торговая необходимость основала себѣ въ семъ первомъ рукавѣ Дунайскомъ точку прибѣжища и сообщенія съ жителями нынѣшней южной Бессарабіи. Она упоминается, по крайней мѣрѣ, уже около 700 годовъ.

Впрочемъ, съ сей точки устья Дуная, не одна Килія была цѣлію мореходцевъ; берега Дуная были унизаны городами и мѣстечками, бывшими мѣстомъ собранія для торжищъ. Издревле славились ярмарки на берегахъ Дуная; въ V вѣкѣ Аттила именнымъ

трактатомъ съ Византійскимъ Дворомъ установилъ сіи прибрежныя торжища (см. Древніе Болгаре т. II. стр. 324). Конечно, и въ среднія времена сія Дунайская торговля поддерживалась, хотя и измѣнялась по обстоятельствамъ. Даже и въ новѣйшія Турецкія времена отчасти продолжалась судоходная торговля по Дунайскимъ городамъ, хотя, впрочемъ, новые господа сихъ береговъ, Турки, не очень склонны къ торговлѣ, но не смотря на то, Дунай носилъ на себѣ небольшія флотиліи купцовъ Христіанскихъ; такимъ образомъ видѣлись небольшія мачтовья рощицы подъ Килісію, Измаиловымъ, Рейнами (Гомировымъ), Браиловымъ, Силистрією, Рущукомъ, Видиньмъ, но, преимущественно, предъ Галацами.

Но тогда, около 940—1100 годовъ, были не Турецкія обстоятельства въ сихъ странахъ; тогда (по 1020 г.) берега принадлежали Царству Болгарскому, а съ 1020, Византійцамъ. Въ Крыму тогда не было Татаръ, которые пресѣкли-было всякое сообщеніе Руси съ морями Азовскимъ и Чернымъ; тогда на южныхъ берегахъ сего полуострова находилась обширная Греческая торговая компанія (Херсонцы), и Генуезцы, и Венеціане стали дѣятельнѣе приниматься за Черное море; тогда, говорю, торговля находилась, и должна была находиться, въ той степени движенія и дѣятельности, что даже и Русь вовлечена въ оную; наши Грицьки, Паньки и проч., имѣли свои конторы въ Царьградъ; читая Византійцевъ, дѣйствительно можно полюбоваться тогдашнею пышностью и богатствомъ Константинополя; тогда и Кіевъ былъ столь цвѣтушь, что тогда жившій Адамъ Бременскій (?) назвалъ его вторымъ Царьградомъ.

Само собою разумѣется, что транзитная торговля Царьграда, чрезъ Болгарію и ея Балканы, съ городами Дуная, заключала въ себѣ множество неудобствъ; возить товары гужёмъ стоило дорого и длинной проволоочки, а перевозить большіе грузы было почти невозможно. Судоходныхъ рѣкъ въ Задунайскихъ странахъ не было; водяной коммуникаціи никакой. — И такъ, гораздо легче, скорѣе, выгоднѣе средства доставки природа дала человѣку — море. Посему, вся Цареградщина, и другихъ Черноморскихъ странъ, проникала къ прибрежнымъ городамъ и торжищамъ, и наполнила собою Болгарію сѣверную и западную, Валахію, Трансильванію, Молдавію — только по Дунаю; посему, все со всѣхъ сторонъ, стремилось въ устье Дуная.

Объясненіе Багрянороднаго о судоходствѣ Россіянъ не вполне изображаетъ Дунайское плаваніе; даже онъ едва коснулся она-

го. Впрочемъ, это и не безъ причины, ибо 1) въ его время, оба берега Дуная принадлежали Болгарскому Королевству; посему Дунайская торговля и плаваніе не вовсе его интересовало; 2) онъ, говоря о жителяхъ Руси, изъ коихъ тогда значительное количество торговало въ Цареградъ и по другимъ Византійскимъ городамъ, хотѣлъ только сказать вкратцѣ, какимъ образомъ эта Русь прибываетъ непосредственно въ Царьградъ.

Указывая, однако, мелькомъ, на точки, къ которымъ причаливали Русскія суда, онъ вмѣстѣ указываетъ и на гавани, и на портовые города приморскіе. Конечно, если въ томъ или другомъ мѣстѣ останавливались *отдыхать*, какъ онъ выражается, *на три, или четыре дня*, то бросали якорь, и бросали, разумѣется, на мѣстѣ *пристаномъ*, гавани.

Если имѣли нужду (разумѣется торговую), то приставали; если же главное дѣло призывало ихъ въ Константинополь, то не имѣли нужды оставаться долѣе трехъ, четырехъ дней. Если приставали въ устьѣ Днѣстра, то это было къ Бѣлгороду (Акерману); если въ первомъ устьѣ Дуная, то къ Килии.

Слѣдуетъ второе устье Дуная, *Селина* по Константину, *Соллина*, нынѣ *Суллина*. Царственный писатель буквально замѣтилъ, что Русскіе входили въ Селину, однако кратко и не очень явственно: ибо выраженіе его: „*Пока (Русскіе) проходятъ рѣку Селину, Печеньги бѣгутъ по берегу*,” можно принять въ двоякомъ направленіи, а) съ сѣвера къ югу, моремъ, мимо устья Селины, б) съ востока на западъ, съ устья по самой Селинѣ. Въ первомъ случаѣ не было большой опасности отъ бѣгущихъ по берегу Печеньговъ, ибо Русскіе могли и должны были, въ случаѣ неприязни съ жителями, плыть моремъ верстъ на 10, 15 или 20 отъ устья Селины. *Именная же* опасность отъ, такъ называемыхъ, Печеньговъ была, при проѣздѣ самой рѣкѣ Селины, по берегамъ коей только и могли бѣгать враги Россіянъ, единственно отъ легкости прибрать къ рукамъ добычу. Пространство и берега между Каспійскимъ, Солинскимъ и Юрьевскимъ рукавами покрыты одними камышами; посему изстари нежилые. Въ новѣйшее время, въ иныхъ мѣстахъ, преимущественно у рукавовъ, находились Запорожскія рыбацкія колибы или хижины, и амбары или сушильни. Посему, настоящая опасность была только въ рукавахъ, въ коихъ шайки на рыбацкихъ лодкахъ дѣйствительно могли нападать и гдѣ подобнымъ шайкамъ на всякомъ шагу можно было укрываться въ высокихъ и безконечныхъ камышахъ, такъ что